

Чиршева Галина Николаевна

Доктор филологических наук, профессор,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: chirsheva@mail.ru

Chirsheva Galina Nikolayevna

Doctor of Philology Sciences, Professor,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: chirsheva@mail.ru

Коровушкин Петр Валерьевич

Кандидат филологических наук,
менеджер ООО «Регион ИДД»
(Череповец, Россия)
E-mail: korovushkin.petr@mail.ru

Korovushkin Pyotr Valerievich

PhD in Philology Sciences,
Manager ООО "Region IDD"
(Cherepovets, Russia)
E-mail: korovushkin.petr@mail.ru

**СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ
ВНУТРИФРАЗОВЫХ
ПЕРЕКЛЮЧЕНИЙ КОДОВ В РЕЧИ
ТРЕХЛЕТНИХ БИЛИНГВАЛЬНЫХ
ДЕТЕЙ**

**STRUCTURAL TYPES OF
INTRASENTENTIAL CODE
SWITCHES IN THE SPEECH OF
THREE-YEAR-OLD BILINGUAL
CHILDREN**

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие русского и английского языков в речи двух моноэтнических детей-билингвов в возрасте от трех лет. Цель работы – описать и сравнить структурные особенности внутрифразовых переключений кодов в диалогическом общении билингвальных детей с их родителями, а также бабушкой и дедушкой. Структурный анализ проводится на основе модели морфосинтаксической рамки матричного языка, разработанной американским лингвистом К. Майерс-Скоттон. Результаты проведенного исследования показывают, что в рассматриваемый период русский язык усиливает свои позиции в роли матричного и доминантного в смешанных высказываниях, и при этом оба ребенка достаточно последовательно соблюдают главные принципы конструирования морфосинтаксической рамки.

Ключевые слова: детский билингвизм, внутрифразовые переключения кодов, структурные типы, русский язык, английский язык

Abstract. The authors deal with the interrelation of Russian and English languages in the speech of two monoethnic bilingual children at the age period between three and four years old. The objective of the paper is to describe and compare structural features of intrasentential code switches in the dialogues between children and their parents or grandparents. The framework for the present study is the Matrix Language Frame model elaborated by C. Myers-Scotton, an American linguist. The results of the research demonstrate that Russian as the matrix and the dominant language strengthen its positions in the children's bilingual speech, with the main principles of the model followed by both children more consistently than at the previous age stages.

Keywords: childhood bilingualism, intrasentential code switches, structural types, Russian, English

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 18-012-00260 «Билингвальная речь детей в условиях одновременного освоения русского и английского языков в моноэтнической семье»).

Введение

Взаимодействия языков в виде переключений с единиц одного из них на другой характерны для речи любого билингва в двуязычной коммуникации. У детей, одновременно усваивающих два языка, причин переключаться с одного из них на другой может быть намного больше, чем у взрослых.

Цель данной работы – описать структурные особенности внутрифразовых русско-английских переключений, которые наблюдаются в речи двух детей трехлетнего возраста, и сравнить полученные результаты.

Материал для исследования извлечен из видео- и дневниковых записей родителей, бабушки и дедушки детей (Миши и Саши), одновременно усваивающих русский и английский языки в русской семье по принципу «один родитель – один язык». Возрастная разница между двумя братьями – два года и четыре месяца.

Изучение переключений кодов чаще всего проводится на материале речи взрослых билингвов: они структурно разнообразнее и обычно имеют ярко выраженную интенцию. Однако и билингвальные дети в возрасте трех лет начинают осознавать значимость переключений с одного языка на другой и активно этим пользуются для эффективности коммуникации и воздействия на своих собеседников.

В трехлетнем возрасте детские переключения редко объясняются артикуляционными причинами: ребенок уже не избегает использовать слова из того языка, на котором они произносятся труднее, поскольку умеет произносить большинство звуков обоих языков.

Для изучения структурных особенностей детских переключений кодов, как показала в своих работах Э. Ланца, вполне применимы модели, разработанные на материале билингвальной речи взрослых. Она успешно использовала ряд из них при анализе англо-норвежских детских смешанных высказываний¹.

Структурные и прагматические характеристики немецко-французских переключений кодов с середины 90-х гг. XX в. исследовали Р. Кёппе и Ю. Майзель в речи детей, одновременно усваивавших два языка².

Первые исследования детских переключений кодов в нашей стране появляются лишь в конце 90-х гг. XX в. на материале комбинаций с русским языком³. Немного

¹ См. об этом: Lanza E. Can bilingual two-year-olds code-switch? // *Journal of Child Language*. – 1992. – Vol. 19. – № 3. – P. 633–658; Lanza E. Language contact in bilingual two-year-olds and code-switching: Language encounters of a different kind? // *International Journal of Bilingualism*. – 1997. – Vol. 1. – № 2. – P. 135–162.

² Köppe R., Meisel J. Code-switching in bilingual first language acquisition // *One Speaker, Two Languages: Cross-Disciplinary Perspectives on Code-Switching* / edited by L. Milroy, P. Muysken. – Cambridge, England: Cambridge University Press, 1995. – P. 276–301.

³ См. об этом: Чиршева Г. Н. Грамматика детских кодовых переключений // *Проблемы детской речи-1999: Материалы Всероссийской конференции (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 1999 г.)*. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 1999. – С. 196–197; Rusakov A. Code-switching phenomena in Gypsy children

активнее специальные работы, посвященные проблемам детской билингвальной речи, публикуются в последние два десятилетия¹.

Для анализа билингвальной речи одной из наиболее надежных моделей считают рамочную модель матричного языка (the Matrix Language Frame Model), разработанную К. Майерс-Скоттон² и апробированную на многих языковых комбинациях. Как показали исследования детской билингвальной речи, эта модель вполне применима и для ранних переключений кодов³.

narratives // VIII International Congress for the study of Child Language: Abstracts. – San Sebastian, 1999. – P. 184–185.

¹ См. об этом: Чиршева Г. Н. Двухязычная коммуникация. – Череповец: Череповецкий государственный университет, 2004. – 190 с.; Чиршева Г. Н., Коровушкин П. В. Смешанные высказывания билингвальных детей в русскоязычной семье // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 48. – С. 84–97.

² Myers-Scotton C. Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 342 p.; Myers-Scotton C. Duelling languages: Grammatical structure in code-switching. – Oxford: Clarendon Press, 1993. – 285 p.; Myers-Scotton C. Multiple voices: an introduction to bilingualism. – Malden, MA: Blackwell, 2006. – 457 p.

³ См. об этом: Badr Y., Minnis D. D. Morphological and syntactic code-switching in the speech of an Arabic-English bilingual child // *Multilingua*. – 2000. – Vol. 19. – № 4. – P. 383–403; Deuchar M. Are function words non-language-specific in early bilingual two-word utterances? // *Bilingualism: Language and Cognition*. – 1999. – Vol. 2. – № 1. – P. 23–34; Deuchar M. Do two-word utterances by bilingual children show evidence of code-switching? // *Proceedings of the 1994 Summer School on code-switching and language contact* / edited by D. Gorter. – Ljouwert: Frisian Language Academy, 1995. – P. 39–44; Köppe R., Meisel J. Code-switching in bilingual first language acquisition // *One Speaker, Two Languages: Cross-Disciplinary Perspectives on Code-Switching* / edited by L. Milroy, P. Muysken. – Cambridge, England: Cambridge University Press, 1995. – P. 276–301; Nicoladis E., Secco G. The role of a child's productive vocabulary in the language choice of a bilingual family // *First Language*. – 2000. – Vol. 20. – P. 3–28; O'Brien de Ramírez K. Developmental processes in bilingualism as reflected in the code-switching strategies of young language learners // *VIII International Congress for the study of Child Language: Abstracts*. – San Sebastian, 1999. – P. 162; Pert S., Letts C. Codeswitching in Mirpuri speaking Pakistani heritage preschool children: Bilingual language acquisition // *International Journal of Bilingualism*. – 2006. – Vol. 10. – № 3. – P. 349–374; Schmitt E. Early bilinguals – incomplete acquirers or language forgetters? // *Studia Humaniora et Paedagogica Collegii Narovenssis*. – Narva: Tartu Ülikool Narva Kolledž, 2008. – P. 311–330; Schmitt E. Overt and covert codeswitching in immigrant children from Russia // *International Journal on Bilingualism*. – 2000. – Vol. 4. – № 1. – P. 9–28; Shin S., Milroy L. Conversational codeswitching among Korean-English bilingual children // *International Journal of Bilingualism*. – 2000. – Vol. 4. – № 3. – P. 351–383; Sofu H., Sire E. Code switching behavior of six year old preschool Turkish-Arabic bilingual children // *VIII International Congress for the study of Child Language: Abstracts*. – San Sebastian, 1999. – P. 207; Vihman V.-A. Code-switching in emergent grammars: Verb marking in bilingual children's speech // *Philologia Estonica Tallinensis*. – 2016. – Vol. 1. – P. 175–198; Vihman V.-A. Language interaction in emergent grammars: Morphology and word order in bilingual children's code-switching // *Languages*. – 2018. – Vol. 3. – № 40. – P. 1–23. DOI: 10.3390/languages3040040; Yow W. Q., Patrycia F., Flynn S. Code-switching in childhood // *Lifespan perspectives on bilingualism* / edited by E. Nicoladis, S. Montanari. – Washington, DC: American Psychological Association; Berlin: De Gruyter Mouton, 2016. – P. 81–100; Yow W. Q., Tan J. S. H., Flynn S. Code-switching as a marker of linguistic competence in bilingual children // *Bilingualism: Language and Cognition*. – 2018. – Vol. 21. – № 5. – P. 1075–1090; Zabrodska A. Evaluating the

В нашем исследовании мы используем понятийно-терминологический аппарат, отражающий специфику анализа переключений кодов по указанной выше модели.

Матричный язык – тот язык, который строит морфосинтаксическую рамку предложения, обеспечивая ее адекватным для этого языка порядком слов и морфем, а также грамматически релевантными показателями. Гостевой язык – тот язык, который вносит отдельные морфемы, слова и словосочетания в предложение на матричном языке и который подчиняется правилам матричного языка. Системные морфемы понимаются как грамлеммы, т. е. аффиксы, служебные слова и другие показатели, являющиеся носителями грамматического значения. Содержательные морфемы – носители лексического значения.

При анализе структурных типов переключений кодов мы будем оперировать следующими терминами. *Остров гостевого языка* – словосочетание или словоформа гостевого языка, которые в рамках предложения на матричном языке демонстрируют действие грамматики гостевого языка в пределах своей небольшой структуры. *Вкрапление* – отдельное слово или морфема гостевого языка в морфосинтаксической рамке матричного языка. *Голая форма* – вкрапление из гостевого языка, не обеспеченное грамматически релевантными аффиксами (системными морфемами), требуемыми рамкой матричного языка. *Пиджинизированные переключения (вкрапления)* – содержательные морфемы гостевого языка, оформленные грамматически релевантными показателями (системными морфемами) матричного языка.

Основная часть

Наиболее активное взаимодействие между двумя языками в билингвальной речи происходит во внутрифразовых переключениях кодов: при использовании вкраплений, пиджинизированных или голых форм, построении островов гостевого языка.

Собственно вкрапления в коротких русских высказываниях Миши чаще всего представлены английскими существительными, которым в русской морфосинтаксической рамке не требуются системные морфемы матричного языка. Например:

1. Положив несколько мозаик в машинку и закрыв дверцу, Миша прокомментировал: «*Зайка закойила door*» (3;03;09)¹.
2. Когда бабушка выходила из комнаты, Миша попросил ее: «*Галя, не закрывай door*» (3;05;13).
3. Показав на дверь дедушкиной комнаты, Миша прокомментировал: «*Деда room*» (3;05;20).
4. Когда Миша и бабушка вышли из магазина, Миша вспомнил, что дедушка там покупал кофе: «*Деда купил кофе*». Бабушка: “Yes, because he likes coffee. And I like tea. What do you like?” Миша ответил: «*Водичку*». Бабушка: “Ah, you like water!” Миша подтвердил: «*Да, water*» (3;05;29).
5. Когда бабушка произнесла «*p-p-p-p*», Миша сказал: «*Я так могу – как lion*» (3;06;01).

Matrix Language Frame model on the basis of a Russian-Estonian codeswitching corpus // International Journal of Bilingualism. – 2009. – Vol. 13. – № 3. – P. 357–377.

¹ Здесь и далее в скобках дается указание на возраст ребенка (количество лет; количество месяцев; количество дней).

Местоимения в виде одиночных вкраплений наблюдались реже, что вполне оправдано их статусом системных морфем, которые самостоятельно и не должны были появляться в высказывании на ином языке. Такие случаи иллюстрируют нарушение принципа системных морфем; например, когда Миша не хотел есть кашу, бабушка начала напевать строчку из песни в английском мультике, который они смотрели вместе: *"I like porridge"*. Миша в ответ на эту песенку упрямо повторял: «**I – нет**» (3;05;26).

Английские наречия в русской морфосинтаксической рамке могли появляться как вполне оправданные единицы гостевого языка, не нарушая грамматику матричного языка. Однако в этот период они были представлены единичными случаями. Например, когда Миша пил сок, он прокомментировал по-русски: «**Надо много сока пить**». Бабушка частично повторила его мысль по-английски: *"Yes, you should drink much"*. В ответ на это Миша почему-то не согласился: «**Нет, не надо much. Much не хочу. Я не хочу much. Все**» (3;06;01).

В смешанных высказываниях Саши вкрапления английских существительных также были самыми распространенными, например:

1. За столом Саша поинтересовался: «**А где соль?**» Потом, после того, как папа повторил его вопрос по-английски, он сконструировал свое смешанное высказывание с вкраплением английского существительного: «**Где salt?**» (3;06;02)

2. Саша показал на чайник и сообщил по-русски: «**Это чай**». Бабушка продублировала его сообщение по-английски: *"It's tea"*. После этого Саша показал на другой чайник и сказал: «**И там tea**» (3;06;02).

3. Долго не видя дедушку, Саша придумал свою версию его отсутствия и сказал: «**Grandpa уехал в другой город**» (3;06;16).

4. Саша услышал запись, где с Петей разговаривает по-английски дедушка, и воскликнул: «**Это grandpa!**» (3;10;08).

Кроме существительных, иногда в качестве вкраплений Саша использовал английские слова-отрицания. Примеры:

1. На одной из картинок бабушка показала мальчика и сказала: *"It's a big boy"*. Саша показал на маленького щенка и сообщил: «**А эмот – no!**» (3;03;18)

2. Когда бабушка сказала Мише: *"You are so big!"*, Саша вмешался в разговор и сообщил о себе: «**А я – no!**» (3;04;28)

В отличие от Миши, Саша использовал английские местоимения в качестве вкраплений чаще и разнообразнее – среди них были и личные, и вопросительные. Примеры:

1. Рассматривая фотографии, Саша показал папе его изображение: «**Daddy, это you!**» (3;04;01)

2. Саша спросил у папы, показывая на фотографию: «**Это who?**» (3;06;02)

Английские прилагательные как вкрапления напоминали по функции русские наречия. Например, поскольку в коридоре было темно, Саша потянул папу за руку, чтобы тот пошел вместе с ним, и объяснял: «**Daddy, mam dark!**» (3;04;28)

Некоторые английские вкрапления в этот период Миша использовал в виде голых форм, т. е. не оформлял их ни русскими, ни английскими флексиями. Увеличение количества таких переключений можно объяснить тем, что ребенок, уже начинающий усваивать грамматику двух языков, осознавал, что английские слова нужно

использовать в определенных словоформах, но еще не был уверен в том, как это делать. Таким образом, голые формы здесь появляются как компромиссные варианты переключений-вкраплений, что, хотя и по иным причинам, не чуждо и речи взрослых билингвов.

Голые формы у Миши появлялись только в русских морфосинтаксических рамках, которые он часто образовывал, внедряя в них слова из реплик взрослых, поэтому, вероятно, не меняя их форм (примеры № 5, 6, 8, 12). Однако самостоятельно образованных единиц подобного вида было даже больше (примеры № 1, 2, 3, 4, 7, 9, 10, 11), что говорит о вполне устойчиво освоенном структурном типе переключений кодов. Голые формы в речи Миши представлены английскими существительными (примеры № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11), глаголами (пример № 8) и прилагательными (пример № 12). См. примеры ниже.

1. Миша попросил маму: «*Я хочу truck*» (3;0;07).
2. Миша попросил бабушку: «*Я хочу water*» (3;03;03).
3. За столом Миша сказал маме: «*Еще cookey*» (3;03;03).
4. Показав свою пустую чашку, Миша попросил бабушку: «*Дай tea*» (3;03;03).
5. На улице Миша встал на бордюр и протянул бабушке руку со словами: «*Дай руку!*». Бабушка попросила сказать это по-английски: “Say: Give me your hand”. Миша не стал повторять, а бабушка не протянула ему руки и попросила то же самое еще раз. Тогда Миша сказал: «*Дай hand!*» (3;04;14).
6. Миша попросил бабушку: «*Галя, хочу water*». Бабушка поправила: “Say: Granny, I want some water”. Миша выбрал свой вариант: «*Granny, я хочу water*» (3;04;24).
7. Миша увидел сок и попросил: «*He water, хочу сок*» (3;04;24).
8. Саша тянется к выключателю, чтобы включить свет, Миша мешает ему. Бабушка сказала Мише: “Say: Don’t switch on the light”. Миша повторил, построив русскую рамку матричного языка: «*He надо switch*» (3;05;10).
9. Миша пришел из другой комнаты без игрушечной ящерицы и сказал: «*Я lizard там оставил*» (3;05;13).
10. Миша указал на видеокассеты, и дедушка спросил его: “What do you want, Mike?” Миша ответил: «*Посмотреть cartoon*» (3;05;20).
11. Миша позвал бабушку, чтобы она включила ему мультфильм: «*Галя, пойдём включить Batman*» (3;06;04).
12. Бабушка сказала Мише: “Your daddy is very big and very strong”. Миша показал «мускулы» на своих руках: «*Я strong, да*» (3;06;04).

У Саши голые формы встречались в этот период крайне редко. Примером может служить существительное, которое в русской морфосинтаксической рамке должно быть оформлено флексией: «*Две tea*» (3;06;02). Здесь нет системных морфем ни матричного (русского), ни гостевого языка (английского). Интересно также, что, судя по согласованию с русским числительным, Саша присвоил английскому существительному женский род по формальному признаку (существительное заканчивается на гласный звук).

В отличие от Саши, Миша гораздо чаще создавал смешанные высказывания с вкраплениями английских существительных, которым он с помощью согласования присваивал род. При этом Миша тоже присваивал род чаще всего на основе фор-

мального признака – по особенностям конечного форманта слова: если оно заканчивалось согласным звуком, он присваивал мужской род, если гласным – женский. Примеры:

1. Миша сообщил бабушке об игрушечной ящерице: «Lizard сломался» (3;05;13).

2. Когда бабушка начала рассказывать сказку о трех медведях, Миша сообщил, показывая своего плюшевого медведя: «Моя bear дома» (3;06;00).

3. Когда бабушка сказала Мише: “*I have already had my meal*”, он ответил: «А я тоже хочу мой meal. Я тоже хочу meal» (3;06;04).

В ряде случаев в определении рода Мишей можно увидеть действие комплекса критериев, когда род может быть присвоен и по формальному, и по семантическому признакам, например:

1. Миша показал на бутылочку с водой и сообщил: «Моя water» (3;04;14).

2. Миша смотрел с папой в окно и комментировал то, что видел: «White car. Она уедил. Она уиёла» (3;05;12). На присвоение женского рода здесь указывает личное местоимение в предложениях, следующих за переключениями.

Иногда понять, чем Миша руководствовался, присваивая род английским существительным, было сложно. Например, показав игрушечного бэтмэна, он воскликнул: “*A batman! Вот такая batman. Мама купила*» (3;06;00). Он присвоил женский род слову, которое ни по каким признакам к этому роду отнести нельзя. Возможно, здесь сработали ассоциации с мамой, купившей ему эту игрушку. Другим объяснением может быть то, что это была игрушка (слово женского рода в русском языке), поэтому все названия этой группы тоже соотносятся с женским родом.

Пиджинизированных переключений, демонстрирующих полное подчинение английских слов правилам, действующим в морфосинтаксической рамке русского языка, у Миши в этот период было зафиксировано немного. Все они представлены существительными, которые использовались в одной из падежных форм, например:

1. Придя из туалета, Миша сообщил: «Я покакал в toilet-е» (3;07;22).

2. Взяв игрушечную ящерицу, Миша начал пугать смурфика, спрашивая его: «Боишься lizard-a?» (3;11;12)

У трехлетнего Саши пиджинизированные вкрапления совсем отсутствовали. Вероятно, в этом возрасте дети еще недостаточно активно владеют правилами грамматики кодовых переключений, поэтому не проявляют творчества в образовании форм слов, отсутствующих в инпуте.

Многие острова гостевого языка в речи Миши в этот период были внедрениями словоформ и словосочетаний из предыдущих реплик. Однако появлялись и самостоятельно сконструированные острова гостевого языка, сигнализируя об усвоении правил применения системных морфем английского языка. По структуре они чаще всего были представлены существительными во множественном числе (см. примеры ниже).

1. Когда бабушка спросила Мишу: “*Do you like to read books?*”, Миша ответил: «Сейчас принесу books», пошел в свою комнату и принес три русские книги (3;03;09).

2. Миша сообщил папе: «Хочу на shoulders». Папа переспросил: “*On my shoulders?*” Миша подтвердил: «Yes. Папа, пойдём к маме» (3;05;14). Здесь построен

остров гостевого языка, который в русской морфосинтаксической рамке функционирует как голая форма, поскольку не снабжен падежным окончанием, требуемым для предложного словосочетания.

3. Миша сообщил бабушке: «*Мне надо носки. У мамы попрошу. Ноги холодные*». Бабушка уточнила: “Ah, you want socks!” Миша подтвердил: «*Да, socks*» (3;05;15).

4. Бабушка спросила Мишу: “Where is granddad?” Он ей ответил: «*Upstairs. Галля, пойдём upstairs, пойдём!*» (3;05;26)

5. Миша захотел пойти в гостиную и сообщил бабушке: «*Я пойдю downstairs*» (3;06;10).

Некоторые острова гостевого языка у Миши были представлены личными глагольными формами, например:

1. Миша подошел с трансформером к бабушке и сообщил: «*Дедю repaired*» (3;05;17).

2. Прибыв к дедушке, Миша сообщил: «*Дедю, я уже поспал*». Дедушка уточнил по-английски: “You have slept?” Миша подтвердил: «*Да, slept*» (3;05;26).

Среди островов гостевого языка, построенных с неличными формами глаголов, присутствовали только причастия прошедшего времени, которые в речи Миши могли выполнять такие же функции, как и глаголы в личной форме (прошедшего времени). Примеры:

1. Бабушка сообщила Мише после просмотра мультфильма: “Oh, I am very tired. I won't watch cartoons anymore”. Миша ей ответил: «*А я тоже tired*». Бабушка сообщила: “OK, I'll switch it off”. Мише это не понравилось, поэтому он поторопился сказать: «*Я не tired. Я посмотрю*» (3;05;11).

2. Миша показал бабушке сломанную коробку и сказал: «*Она broken*» (3;06;00).

Единичные случаи островов гостевого языка были оформлены прилагательными в сравнительной степени. Например, когда Миша начал есть курицу, он заявил: «*Я буду stronger*» (3;07;08).

Острова гостевого языка в речи Саши стали разнообразнее по структуре, чем на предыдущих возрастных этапах, но на данном этапе встречались реже, чем у Миши. Среди таких переключений у Саши были и привычные словоформы и словосочетания, и некоторые новые, отражающие внедрение тех системных морфем, которые он недавно освоил в английской грамматике.

Остров, представленный английским существительным во мн.ч., в приведенном ниже примере был образован как повторение слова из реплики бабушки, но эта структура стала для Саши уже вполне привычной. Например, бабушка спросила Сашу по телефону: “So, you are playing with your toys?”, на что Саша ответил: «*Да, toys*» (3;0;20).

Остров гостевого языка в виде причастия прошедшего времени представлен в следующем примере. Бабушка показала Саше на перила и предупредила: “It's painted there”. Саша показал на качели, на камни вокруг клумбы, другие конструкции на детской площадке: «*И это тоже painted. И там painted*» (3;02;05). Эти острова гостевого языка как повторение части иницирующей реплики взрослого развивали мысль о признаке объектов, адекватно включая в их круг новые.

Вполне осознанно построенные острова, отражавшие успешно освоенные Сашей явления английской грамматики, – существительные с неопределенным артиклем. Примеры:

1. Строя свой дом из кубиков, Саша напевал: «*Я делаю дом, я делаю a house!*» (3;03;18)

2. Саша спрятал руку под футболку и, двигая кулачком, сказал бабушке: «*A dog, там a dog*» (3;03;18).

Подтверждением тому, что это были острова гостевого языка, служили многочисленные факты использования тех же существительных без артиклей и в сочетании с другими словами.

Выводы

Проведенное исследование затронуло ряд важных вопросов, связанных с отражением процессов развития детского билингвизма в детских высказываниях, содержащих переключения кодов.

В трехлетнем возрасте оба ребенка структурировали смешанные высказывания разнообразнее, чем на предыдущих возрастных этапах, как по формальным показателям (типы и виды переключений кодов), так и по содержательным (семантическое наполнение, прагматическая насыщенность). При этом оба продолжали демонстрировать возрастающую доминантность русского языка. Это сказывалось в том, что они строили только русские морфосинтаксические рамки, в которые внедряли отдельные английские слова в виде вкраплений или словосочетания в виде островов гостевого языка. Проблем с определением того, какой язык играл роль матричного, на этом возрастном этапе не возникало: им почти всегда был русский язык, грамматику которого оба ребенка после трех лет усваивали гораздо активнее, чем грамматику английского языка.

В этом возрасте Миша немного лучше, чем Саша, усваивал грамматику английского языка, что проявилось в более разнообразной структуре островов гостевого языка, где используются системные морфемы этого языка (в данном случае – английского). Так, у обоих мальчиков острова гостевого языка включали существительные с неопределенным артиклем и в форме множественного числа, но у Миши присутствовали также глагольные словоформы (как личные, так и неличные). Кроме того, Миша строил острова гостевого языка, где использовал существительные с определенным артиклем и прилагательные в сравнительной форме.

Недостаток межъязыкового творчества сказывался в том, что дети не были активными в создании пиджинизированных вкраплений. Такие единицы отсутствовали в их инпуте, а потому требовали проявления лингвокреативности и самостоятельности в применении правил русско-английской и англо-русской грамматики кодовых переключений. У Миши были зафиксированы лишь единичные случаи такого творчества, а у Саши они отсутствовали полностью.

Литература

Чиршева Г. Н. Грамматика детских кодовых переключений // Проблемы детской речи-1999: Материалы Всероссийской конференции (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 1999 г.). – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 1999. –

C. 196–197.

Чиршева Г. Н. Двухязычная коммуникация. – Череповец: Череповецкий государственный университет, 2004. – 190 с.

Чиршева Г. Н., Коровушкин П. В. Смешанные высказывания билингвальных детей в русско-английской семье // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 48. – С. 84–97.

Badr Y., Minnis D. D. Morphological and syntactic code-switching in the speech of an Arabic-English bilingual child // *Multilingua*. – 2000. – Vol. 19. – № 4. – P. 383–403.

Deuchar M. Are function words non-language-specific in early bilingual two-word utterances? // *Bilingualism: Language and Cognition*. – 1999. – Vol. 2. – № 1. – P. 23–34.

Deuchar M. Do two-word utterances by bilingual children show evidence of code-switching? // *Proceedings of the 1994 Summer School on code-switching and language contact / edited by D. Gorter. – Ljouwert: Frisian Language Academy, 1995. – P. 39–44.*

Köppe R., Meisel J. Code-switching in bilingual first language acquisition // *One Speaker, Two Languages: Cross-Disciplinary Perspectives on Code-Switching / edited by L. Milroy, P. Muysken. – Cambridge, England: Cambridge University Press, 1995. – P. 276–301.*

Lanza E. Can bilingual two-year-olds code-switch? // *Journal of Child Language*. – 1992. – Vol. 19. – № 3. – P. 633–658.

Lanza E. Language contact in bilingual two-year-olds and code-switching: Language encounters of a different kind? // *International Journal of Bilingualism*. – 1997. – Vol. 1. – № 2. – P. 135–162.

Myers-Scotton C. *Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes*. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 342 p.

Myers-Scotton C. *Duelling languages: Grammatical structure in code-switching*. – Oxford: Clarendon Press, 1993. – 285 p.

Myers-Scotton C. *Multiple voices: an introduction to bilingualism*. – Malden, MA: Blackwell, 2006. – 457 p.

Nicoladis E., Secco G. The role of a child's productive vocabulary in the language choice of a bilingual family // *First Language*. – 2000. – Vol. 20. – P. 3–28.

O'Brien de Ramírez K. Developmental processes in bilingualism as reflected in the code-switching strategies of young language learners // *VIII International Congress for the study of Child Language: Abstracts*. – San Sebastian, 1999. – P. 162.

Pert S., Letts C. Codeswitching in Mirpuri speaking Pakistani heritage preschool children: Bilingual language acquisition // *International Journal of Bilingualism*. – 2006. – Vol. 10. – № 3. – P. 349–374.

Rusakov A. Code-switching phenomena in Gypsy children narratives // *VIII International Congress for the study of Child Language: Abstracts*. – San Sebastian, 1999. – P. 184–185.

Schmitt E. Early bilinguals – incomplete acquirers or language forgetters? // *Studia Humaniora et Paedagogica Collegii Narovenssis*. – Narva: Tartu Ülikool Narva Kolledž, 2008. – P. 311–330.

Schmitt E. Overt and covert codeswitching in immigrant children from Russia // *International Journal on Bilingualism*. – 2000. – Vol. 4. – № 1. – P. 9–28.

Shin S., Milroy L. Conversational codeswitching among Korean-English bilingual children // *International Journal of Bilingualism*. – 2000. – Vol. 4. – № 3. – P. 351–383.

Sofu H., Sire E. Code switching behavior of six year old preschool Turkish-Arabic bilingual children // *VIII International Congress for the study of Child Language: Abstracts*. – San Sebastian, 1999. – P. 207.

Vihman V.-A. Code-switching in emergent grammars: Verb marking in bilingual children's speech // *Philologia Estonica Tallinensis*. – 2016. – Vol. 1. – P. 175–198.

Vihman V.-A. Language interaction in emergent grammars: Morphology and word order in bilingual children's code-switching // *Languages*. – 2018. – Vol. 3. – № 40. – P. 1–23. DOI: 10.3390/languages3040040.

Yow W. Q., Patricia F., Flynn S. Code-switching in childhood // *Lifespan perspectives on bilingualism / edited by E. Nicoladis, S. Montanari*. – Washington, DC: American Psychological Association, 2004. – P. 196–197.

tion; Berlin: De Gruyter Mouton, 2016. – P. 81–100.

Yow W. Q., Tan J. S. H., Flynn S. Code-switching as a marker of linguistic competence in bilingual children // *Bilingualism: Language and Cognition*. – 2018. – Vol. 21. – № 5. – P. 1075–1090.

Zabrodskaia A. Evaluating the Matrix Language Frame model on the basis of a Russian-Estonian codeswitching corpus // *International Journal of Bilingualism*. – 2009. – Vol. 13. – № 3. – P. 357–377.

References

Chirsheva G. N. *Grammatika detskikh kodovykh perekliuchenii* [Grammar of child code switches]. *Problemy detskoï rechi-1999: Materialy Vserossiiskoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 24–26 noiabria 1999 g.)* [Problems of child speech-1999: Proceedings of All-Russia conference (St Petersburg, 24–26 November, 1999)]. St Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A. I. Gertsena, 1999, pp. 196–199.

Chirsheva G. N. *Dvuaizychnaia kommunikatsiia* [Bilingual communication]. Cherepovets: Cherepovetskii gosudarstvennyi universitet, 2004. 190 p.

Chirsheva G. N., Korovushkin P. V. Smeshannye vyskazyvaniia bilingval'nykh detei v rus-skoiaizychnoi sem'e [Mixed speech of bilingual children in a Russian family]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University journal of philology], 2017, no. 48, pp. 84–97.

Badr Y., Minnis D.D. Morphological and syntactic code-switching in the speech of an Arabic-English bilingual child. *Multilingua*, 2000, vol. 19, no. 4, pp. 383–403.

Deuchar M. Are function words non-language-specific in early bilingual two-word utterances? *Bilingualism: Language and Cognition*, 1999, vol. 2, no. 1, pp. 23–34.

Deuchar M. Do two-word utterances by bilingual children show evidence of code-switching? *Proceedings of the 1994 Summer School on code-switching and language contact*; ed. by D. Gorter. Ljouwert: Frisian Language Academy, 1995, pp. 39–44.

Köppe R., Meisel J. Code-switching in bilingual first language acquisition. *One Speaker, Two Languages: Cross-Disciplinary Perspectives on Code-Switching*; ed. by L. Milroy, P. Muysken. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1995, pp. 276–301.

Lanza E. Can bilingual two-year-olds code-switch? *Journal of Child Language*, 1992, vol. 19, no. 3, pp. 633–658.

Lanza E. Language contact in bilingual two-year-olds and code-switching: Language encounters of a different kind? *International Journal of Bilingualism*, 1997, vol. 1, no. 2, pp. 135–162.

Myers-Scotton C. *Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 342 p.

Myers-Scotton C. *Duelling languages: Grammatical structure in code-switching*. Oxford: Clarendon Press, 1993. 285 p.

Myers-Scotton C. *Multiple voices: an introduction to bilingualism*. Malden, MA: Blackwell, 2006. 457 p.

Nicoladis E., Secco G. The role of a child's productive vocabulary in the language choice of a bilingual family. *First Language*, 2000, vol. 20, pp. 3–28.

O'Brien de Ramírez K. Developmental processes in bilingualism as reflected in the code-switching strategies of young language learners. *VIII International Congress for the study of Child Language: Abstracts*. San Sebastian, 1999, p. 162.

Pert S., Letts C. Codeswitching in Mirpuri speaking Pakistani heritage preschool children: Bilingual language acquisition. *International Journal of Bilingualism*, 2006, vol. 10, no. 3, pp. 349–374.

Rusakov A. Code-switching phenomena in Gypsy children narratives. *VIII International Congress for the study of Child Language: Abstracts*. San Sebastian, 1999, pp. 184–185.

Schmitt E. Early bilinguals – incomplete acquirers or language forgetters? *Studia Humaniora et Paedagogica Collegii Narovenssis*. Narva: Tartu Ülikool Narva Kolledž, 2008, pp. 311–330.

Schmitt E. Overt and covert codeswitching in immigrant children from Russia. *International Journal on Bilingualism*, 2000, vol. 4, no. 1, pp. 9–28.

Shin S., Milroy L. Conversational codeswitching among Korean-English bilingual children. *International Journal of Bilingualism*, 2000, vol. 4, no. 3, pp. 351–383.

Sofu H., Sire E. Code switching behavior of six year old preschool Turkish-Arabic bilingual children. *VIII International Congress for the study of Child Language: Abstracts*. San Sebastian, 1999, pp. 207.

Vihman V.-A. Language interaction in emergent grammars: Morphology and word order in bilingual children's code-switching. *Languages*, 2018, vol. 3, no. 40, pp. 1–23. DOI:10.3390/languages3040040.

Vihman V.-A. Code-switching in emergent grammars: Verb marking in bilingual children's speech. *Philologia Estonica Tallinensis*, 2016, vol. 1, pp. 175–198.

Yow W. Q., Patricia F., Flynn S. Code-switching in childhood. *Lifespan perspectives on bilingualism*; ed. by E. Nicoladis, S. Montanari. Washington, DC: American Psychological Association; Berlin: De Gruyter Mouton, 2016, pp. 81–100.

Yow W. Q., Tan J. S. H., Flynn S. Code-switching as a marker of linguistic competence in bilingual children. *Bilingualism: Language and Cognition*, 2018, vol. 21, no. 5, pp. 1075–1090.

Zabrodsckaya A. Evaluating the Matrix Language Frame model on the basis of a Russian-Estonian codeswitching corpus. *International Journal of Bilingualism*, 2009, vol. 13, no. 3, pp. 357–377.

Для цитирования: Чиршева Г. Н., Коровушкин П. В. Структурные типы внутрифразовых переключений кодов в речи трехлетних билингвальных детей // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2019. – № 6 (93). – С. 160–171. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-6-93-14

For citation: Chirsheva G. N., Korovushkin P. V. Structural types of intrasentential code switches in the speech of three-year-old bilingual children. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2019, no. 6 (93), pp. 160–171. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-6-93-14